

СЕРДЦЕ НЕ КАМЕНЬ   Гл.3 «Ниспосланной благодати»

Лето 1957 года. Киевский ЖД вокзал. Группа курсантов – выпускников Харьковского военного авиационного училища возвращалась домой, после стажировки в различных воинских частях КВО. К назначенному времени курсанты собрались в зале ожидания вокзала. Их было человек десять. К поезду Киев – Харьков, стоящему на первом пути от перрона – не подойти, из-за столпотворения уезжающих и провожающих людей с чемоданами, рюкзаками и прочими вещами. Жара! Двери вагонов еще закрыты. Майор ВВС Красинский – руководитель группы курсантов, оценив сложность ситуации, дает команду: «Клином Македонского, ты во главе, без остановки, вперед!» Он указал пальцем на старшего сержанта Тунина, когда произнес, – ты во главе. Посадка объявлена. И курсанты двинулись вперед, рассекая массу людей, которая раздвоилась и наклонилась в разные стороны от них. Тунин, первым схватился за поручни вагонной лестницы, ступил ногой на ступеньку и оглянулся. Оглянувшись, он остановился на несколько мгновений, оцепенел и замер. Он увидел девушку с разведенными в стороны руками, которыми она опиралась на своих соседей, чтобы не упасть на спину. Она, в падении, смотрела прямо на него. Её взгляд сразил Тунина своим беспощадным укором, молча вопя: «Ты! Что делаешь?!». Черные, искрящиеся возмущением глаза, брови мощные вразлет и приоткрытый, алый рот, обрамленный яркими губами живого цвета. Волосы, вьющиеся русыми завитками в короткой стрижке, и кофта в талию цвета хаки. Это живой портрет, запечатленный памятью Тунина навечно. В том взгляде, кроме осуждения и недовольства курсантскими, а значит и его действиями, было еще нечто неожиданное, сильно влекущее, взволновавшее его сердце. Тунин, мигом рванулся в салон вагона, подошел к открытому окну, и увидел ее рядом с высоким парнем в модной тогда соломенной шляпе, крикнул грубовато: «Эй, ты! Подойди сюда!» Указывая пальцем на неё, не сводя с нее глаз. А выражение его лица тогда было страшноватым: черные, широкие, сросшиеся на переносице брови, выросшие за время стажировки бакенбарды, озорные, веселые и самоуверенные глаза. Но главное, – это его голос! Громкий, четкий, абсолютно командный, выработанный в течение четырех лет его командирской службы. Да, и артикуляция слов и выражений в его произношении не страдала погрешностями. Тунин притягивал её каким-то магнитом, и она, глядя на него, отошла от своих спутников и приблизилась к его окну. Он крикнул ей: «Адрес!» Да, да! Она ответила: «Цитадель, девять, девятнадцать.» В тот момент поезд тронулся с места и медленно поехал. Она пошла за поездом, махая рукой кому-то в первом окне вагона. Тунин приближался к ней. В момент расхождения, он вновь крикнул: «Адрес?» Удаляясь от неё, он слышал: «Я уже сказала!» В тот же час, поняв, что она кого-то провожала, он пошел в переднюю часть вагона, ища того, кого она провожала.

Поскольку в передних от него купе плацкартного вагона были, в основном, курсанты в военной форме, то отыскать гражданское лицо было не сложно. А вот и она, девушка около «прощального» окна. «Привет! Это кто так пылко вас провожала?» – спросил Тунин. «Сестра Элина», – последовал вялый и тихий ответ. Завязался между ними разговор, из которого он узнал, что сестры Эля и Настя живут в г. Красноярске, что Эля учится в художественном училище в г. Киеве, что Настя была в гостях у Эли, а теперь возвращается в свой Красноярск через г. Харьков. Настю он немедленно познакомил с курсантом – певцом самодеятельности, который всю дорогу до Харькова пел ей песни и угощал грушами и яблоками. А полный чемодан яблок и груш, он вез с места своей стажировки. Как выяснилось, она разговоривалась тихо и вяло потому, что заболела. Вероятно, простудилась или не то съела и отравилась, толи еще что-то. Курсанту – певцу от имени остальных курсантов, Тунин передал комсомольское поручение, – за Настей ухаживать, все её просьбы выполнять, во всем ей помогать и строго оберегать хотя – бы до конца их совместной поездки. Адрес, который выкрикнула Эля в ответ на вопрос из окна, оказался верным. Это был адрес общежития, где жила Эля. Конечно, Тунин узнал и их фамилию. Они приехали в Харьков. Настя поехала дальше, а курсанты благополучно вернулись в училище. И начался завершающий учебный процесс подготовки и сдачи выпускных экзаменов.

У Тунина возникла навязчивая идея, – написать Эле письмо. Но какое письмо ей написать? С каким уклоном, с каким намеком? Ничего разумного, подходящего для первого письма у него нет. У него есть любимая девушка Люба, соученица по школе, медалистка их школы, студентка московского вуза. Еще в школе они тайно целовались. В то время открыто, прилюдно встречаться, целоваться было неприемлемо категорически. Уже будучи курсантом, а она студенткой, они во время летних каникул впервые встретились в г. Измаиле свободно и открыто, как взрослые. Мечтали о совместной, семейной жизни после учебы. Люба, однажды, обрисовала воображаемую ею картину, как их дочка на цыпочках подбегает к Тунину и что-то говорит, а Люба этим любитесь. Красота! Идиллия. Так! Так, о чем же написать Эле, незнакомому, чужому, далекому человеку?

Во время ежедневной, двухчасовой самоподготовки, когда 25 человек классного отделения должны изучать теорию и материальную часть, Тунин предложил курсантам, каждому в отдельности, написать девушке Эле письмо. Далее, каждое письмо обсудить. Самое умное и лучшее отобрать и составить черновик единого письма. И наконец, самым красивым почерком написать подлинник. О! Если бы его товарищи – курсанты, учили бы теорию и мат часть с таким же желанием, радостью и энтузиазмом, с каким они начали писать письмо Эле, то они все стали бы отличниками и получили бы дипломы с отличием. Но, увы! Впоследствии оказались отличниками, всего пять человек. К концу третьей самоподготовки проект письма для девушки Эли от личного, индивидуального имени был готов и вывешен на учебной доске для обсуждения. Каждый абзац письма принимался большинством голосов при общем голосовании отделения. Только в два абзаца Тунин внес некоторые изменения по содержанию и форме предложения. Переписчик с каллиграфическим почерком был выбран тоже коллегиально, путем просмотра учебных тетрадей – конспектов каждого курсанта. Аккуратный, красивый лист письма, подписанный Туниным, запечатанный в конверт «Почта СССР» был отправлен по адресу г. Киев, Цитадель, 9 – 19. Не скоро, но ответ пришел. Сначала Тунин сам прочитал письмо, а потом отдал его на коллективную читку. Письмо – ответ оказалось сдержанным, умным, не дающим малейших сигналов на сближение, но и не ограничивающим возможности будущего контакта.

А курсанты уже выпускники. Портные шьют им парадные и повседневные костюмы, какая-то артель мастерит им всем одинаковые, огромные чемоданы. Курсанты ждут приказа Министра о присвоении им воинских званий «лейтенант». А Тунин, своим корявым почерком, пишет письмо Элине с предложением заехать к ней в гости, в г. Киев, после выпуска. Через несколько дней, значительно раньше того времени, на которое он рассчитывал получить письмо-ответ, пришла телеграмма: «Нет! Я в больнице, отнялись ноги.» Тунин в смятении! Не может отключиться от мысли о ней. В узком кругу своих товарищей показывает телеграмму и спрашивает, что делать? Как они поступили бы на его месте? Никто из них не воспринял его вопрос в серьез. Все улыбались, шутили прилично и неприлично, говоря одно и то же, в смысле: «Ты что, товарищ новоиспеченный лейтенант, рехнулся? Да она берет тебя, просто, на «понт». Отпихнулась от твоей навязчивости. Да и тебе такая авантюра не нужна. Тебя, золотопогонника хотят видеть твои родители. Все мы в отпуск едем домой к своим родителям, а потом на службу, к местам назначения.» Выслушав их и вспомнив свою девушку Любу, он высказал ребятам свою благодарность за совет и свое согласие с ними. В самом деле, кто она ему, чтобы со всем своим барахлом в двух чемоданах, мотаться сначала в Киев, по льготному билету, а потом за свои деньги, ехать из Киева через Одессу домой? Да, и найдет ли он ее там? Где эта Цитадель, 9-19? Ни улицы, ни дома. Не привычный адрес. Где та больница, в которой она лечится? И главное! Что скажет он ей, если и увидит ее? Он представил себе ее первую мысль при возможной ихней встрече: «С какого крючка сорвался этот военный человек? И прикатил к чужому человеку без приглашения. И даже вопреки вежливому запрету.» Все! Решение принято! Тунин едет домой, в родное село Ташлык, через Одессу. В размышлениях своих переключился на мысли о доме, о любимой девушке, о друзьях и товарищах. Все верно, все разумно!

Приказ МО СССР по выпуску был подписан 4 октября 1957 года. В этот день был запущен в космос первый, искусственный спутник земли, а Тунин надел долгожданное, золотые погоны лейтенанта ВВС. Синяя, парадная форма с белой рубашкой, фуражка с полной офицерской кокардой, курсантам полагалась фуражка с красной звездочкой, черные ботиночки, а не кирзачи, конечно, у всех выпускников вызывали восторг. Некоторым выпускникам полагались льготы. Отличники имели право выбора места дальнейшей службы. Выбирался военный округ в СССР или группа войск за границей. Денежное довольствие офицера состояло из двух частей. Первая часть – это оклад по должности, вторая – это плата за воинское звание. Так вот, та часть денежного довольствия, выплачиваемая за звание лейтенантам – отличникам - выплачивалась увеличенной в три раза. Тунин, выпускник – отличник при выпуске получил столько денег, что они еле-еле разместились в небольшом чемоданчике полуовальной формы, который назывался «балеткой». Столько денег он не только не держал в своих руках, но даже не видел. Выпускного вечера с застольем не было. Просто, собрали всех лейтенантов – выпускников в клубе, поздравили и отпустили на волю. Делай, что хочешь! Тунин, в числе большинства своих товарищей, переночевал в последний раз на своей, казарменной койке. На следующий день, в разное время, молодые офицеры с чемоданами двинулись в сторону Харьковского ЖД вокзала, того самого вокзала, о котором И.В. Сталин сказал исторические слова: «Долго, дорого и плохо!» Перед отправкой на вокзал, Тунин прилег на свою койку в последний раз и глубоко призадумался, вспоминая недавнее былое.

Он, расталкивая толпу, причинил неприятность девушке, он её окликнул, вызвал и выпросил адрес. Он первым написал ей письмо, выставляя себя умным и благородным, настоятельно напрашивался в гости. А теперь, когда она лежит в больнице с отнятыми ногами, он уже доблестный советский офицер, комсомолец, прошедший столько необычных испытаний, бросает девушку, может быть умирающую в какой-то чужой больнице, далеко от дома. Бросает и убегает, как жалкий трусишка, к своему домику, уюту и покою. Тунин вскочил со своей койки, резко выпрямляясь, ударился головой о железяку верхнего яруса кровати, охнул и сам себе прошипел: «Нет! Не могу! О! Мама... Не могу! Я – гад? Нет! Не брошу, не оставлю! Умру, но не убегу! Будь, что будет. Еду в Киев.» На вокзале он взял билет на поезд Харьков – Киев! Денег хватит. Чемоданы тяжелые, но сил его достаточно. Вперед, и ни шагу назад! Прибыл он в столичный город Киев. Чемоданы сдал в камеру хранения, взяв с собой только «балетку» с деньгами. Такси. Цитадель 9-19. Таксист везет уверенно, без вопросов. Машина «победа» остановилась, шофер сказал: «Приехали, расчет по счетчику.» Тунин вышел из машины и начал оценивать ситуацию. Вот один церковный храм, вот другая часовня – церквушка, а вот и третья, полуразрушенная... Прохожих людей на улице мало. Ходит, спрашивает, интересуется. Он приехал в район Печерской лавры. А «Цитадель 9 -19», - это адрес дома, в котором располагается общежитие студентов Киевского художественного училища прикладного искусства. Тунин смело входит в помещение, спрашивает первую, встреченную в коридоре женщину, вероятно, вахтершу. Получает утвердительный ответ. Находит указанную ему дверь, стучит и входит.

В комнате несколько аккуратно убранных кроватей – коек, посредине комнаты большой, квадратный стол, около стола стоит девушка. «Здравствуйте!» - говорит он медленно, соображая Эля это, или кто-то другой человек. Худенькая, не большого роста девушка в розовой блузке, в черной, обтянутой на бедрах, юбке. На голове странная повязка косынки наоборот. Та девушка Эля должна быть в больнице с «отнятыми» ногами? Сообразив, в конце концов, как вежливо и культурно идентифицировать личность, он спросил: «Вы догадываетесь, кто я такой?» Она ответила: «Да.» И продолжала молча смотреть на него равнодушно, без намека на улыбку. Спрашивает её: «Как обстоят дела с вашими ногами?» Отвечает: «Вот на днях вышла из больницы.» Он напряжено думал, искал варианты, что и как сказать, чтобы хоть как-то продолжить разговор. Внешний вид её и поведение не произвели на него восторженного впечатления. Немая пауза в несколько секунд. Он был готов пожелать ей полного выздоровления, счастья, благополучия и удачи в жизни. И уйти! Но вдруг в комнату, резко открыв дверь, вошла говорящая, веселая девушка, а вскоре еще одна. Чуть позже, - еще одна. Завязался непринужденный, веселый разговор. Из достаточно продолжительной беседы с девушками, Тунин выяснил, что у Эли есть жених, кандидатура которого согласована с её матерью, что он - Тунин приехал неожиданно и без приглашения, что все присутствующие девушки, кроме Эли, очень энергично одобряют его приезд. А время неумолимо шло и наступил вечер. Тунину нужно было определяться, что делать? Так просто встать и уйти сказав, извините до свидания, он не мог. Он предложил девушкам следующую идею: поскольку Эля не может, то

он приглашает любую из присутствующих девушек, провести с ним скромный вечер в ресторане, при условии полной безопасности и доставке к общежитию в целостности и сохранности. Мотивом его предложения было желание отметить здесь, в Киеве его выпуск. Он сказал: «Вот, Вы Тоня, Вы самая смелая и веселая?» Девушки растерялись и засуетились. Серьезность ситуации первой оценила девушка Фая, которая сказала, если уж он приехал к Эле, то пусть она и поедет с ним, что они надеются на его благородство и на то, что он Элиночку не обидит. Они все глянули на Элю. Она промолчала. Но и не возразила. Шумным хором девушки сказали, что они сейчас готовят Элю. Две девушки подхватили Элю под руки и вышли из комнаты. Они приодели, причесали, прихорошили и вручили её Тунину, напомнив, - оберегать, не обижать и вернуть в сохранности их красавицу Элину. Он, прихватив побольше денег из бумажника, замкнул ее и оставил на столе там в комнате.

Гриша с Элей вышли на улицу, сели в такси и поехали в ресторан «Динамо». Входя в ресторанный зал, Гриша держал Элю за руку, она не сопротивлялась. Уселись они за второй, свободный стол, слева от входа в зал ресторана. Зал ярко освещен. Танцевальная площадка круглая, как манеж в цирке. Столы установлены на приличном возвышении по отношению к полу манежа – площадке. С потолка свисали яркие, играющие цветами радуги гирлянды, отделяющие по кругу пространство сидящих за столами от манежа. Музыкальная эстрада размещалась тоже на возвышении, визави главной, входной двери зала. На эстраде блестящий оркестр. Именно блестящий, с двумя серебряными блесками саксофонами, с золотой трубой, с могучим, белым в изумрудах аккордеоном. И, конечно, ударник, скрипка, электрогитара и бас.

Подшел к их столу улыбочивый официант и спросил, что они будут заказывать? Громадный переплет с листком меню на столе. Гриша придвинул его к Эле и попросил: «Пожалуйста, выберите, что хотите.» Она тихо ответила: «Решайте сами.» И отодвинула от себя переплет. Тунин попросил официанта принести два мясных блюда, два салата, пару гроздьев винограда, лимонад, двести граммов сладкого вина и грамм триста коньяку. Пока неспешно накрывали их стол, чтобы не загружать Элю проблемами, Гриша попросил её рассказать о предмете ее учебы. Она откликнулась и начала рассказывать о том, как они рисуют, как лепят, как ходят на этюды. Первую рюмку за их встречу, она только пригубила. Оркестр заиграл модную в те годы мелодию «Бессаме мучио». Гриша пригласил Элю на танец. Эля была одета в темное, одноцветное платье, расклешенное от узкой талии до колен. Пышная прическа, золотые серьги и аккуратные туфельки завершали её внешний вид. Он, чисто выбритый, подстриженный брюнет с аристократической бледностью лица, в синей парадной форме с золотыми погонами лейтенанта ВВС, предположил, что смотрелся рядом с Элей не плохо. Он всмотрелся в зал. На полу отполированный паркет. Сверкающие гирлянды отделяли мир застолья и покоя от мира музыки и движения. Столы были уже все заняты и заполнены. Только к ихнему столу больше никто не подсаживался. Наконец, он внимательно посмотрел на Элю. А она на него. Только теперь, как-то содрогнувшись, Тунин узнал ту девушку с перрона вокзала, Элю. Кудрявые волосы радужной окраской обрамляя лоб, заполнили все пространство выше твердого воротника платья. Глаза! Да глаза с поволокой. Он понял тогда и знает теперь, что означает фраза «глаза с поволокой». Мягкая, почти не заметная, доверительная улыбка. Улыбка Джоконды, но современная. Такую улыбку могли смастерить только её губы. Без всякой помады, естественно алые. Верхняя губа превалировала над нижней. Нижняя губа пряталась под верхней, а подбородок отклонен назад на столько, что создавал профиль классической, высокохудожественной красоты. Плечи и руки ниже локтей облегали рукава – реглан, шов которых подчеркивал плавность и гармонию всех изгибов. Он подал ей свою руку, она подала свою. Они сошли с возвышения сквозь раздвинутые гирлянды к месту танцующих пар, он осторожно обнял ее чуть выше талии, и они двинулись в ритме танца в общей массе танцующих пар.

Гриша неотрывно смотрел на Элю, ему нравилось на неё смотреть. Музыка прервалась, все танцующие захлопали, и они вернулись к своему столу улыбочивые, чуть-чуть охмелевшие и разговорившиеся. Вдруг, к ихнему столу подходит какой-то мужчина, протягивает Грише нечто похожее на упакованную книгу и говорит: «Примите это от нас за искреннее восхищение, испытанное нами, глядя на Вас и вашу даму!» Гриша спросил: «А, что это?» Ответ – шоколад. «Так отдайте даме, если Вы ею восхитились.» - сказал Гриша. Доброжелатель подошел к столу с другой стороны и положил красивую упаковку около Эли, не поднимаясь на возвышение. Оркестр заиграл мелодию танго, песни «Опавшие листья», которую в те годы передавали по радио в исполнении Ива Монтана, на французском языке. Местные любители – музыканты – дилетанты пели ее в переводе на русский язык. Там были такие трогательные слова: «Поржавел от бурь тот гранит, твой след давно волною смыт. Только сердце у меня не камень, оно каждый шаг твой хранит. Слово любви не увядает, если оно сорвано с губ.» Гриша с Элей опять пошли танцевать.

В процессе учебы в училище, ежедневно выделялись два часа личного времени, обычно после ужина. Каждый курсант делал то, что хотел. Чтение, курение, пение, физкультура: бег, гимнастика, волейбол, футбол, шахматы, шашки и пр. В лен комнате стояло исправное пианино. Человека два - три из всей роты, прилично играли на «фоно» - пианино. Тунин, присматриваясь к этим играющим ребятам, зачастил посещать лен комнату, и начал потихоньку «бацать», то есть играть на фортепиано. На слух. Там и тогда было не до нот. В течение трех лет он научился прилично «бацать», и даже петь под собственный аккомпанемент. Почти все модные в те годы песни и мелодии он играл. Конечно, дилетантски, но достаточно бегло, смело и выразительно. Слушатели не профессионалы, то есть не музыканты – «нотники», ошибок мелодических или ритмических не замечали. Многим нравилась такая игра и они приходили слушать. Например, «Голубка», «Если бы ты знала, как любить я могу...», «Бессаме мучио», «Опавшие листья», и др.

Гришин рост был 176 см., а Элин – около 160 см. Танцую танго, он наклонил голову ближе к Элиному уху, и начал петь русскими словами. Гриша заметил, что оркестр явно уменьшил громкость своей инструментальной игры. Заметив это, он осмелел на столько, что танцуя, не отрывая взгляда от Эли, запел достаточно громко. Когда закончился текст песни, и Гриша перестал петь, оркестр замолк. Тунин остановился, держа Элю за руку, оглянулся. Ба! Что это такое?!

Музыканты встали, подойдя к краю эстрадной площадки и, удерживая свои инструменты подмышкой, хлопали в ладоши,- они аплодировали лейтенанту и его даме, улыбаясь. И танцующих пар не оказалось. Все они распределились вокруг свободного центра и тоже аплодировали. Гриша, как будто не им аплодируют, не отрывая взгляда от Эли, взял ее под руку, и они прошли, сквозь гирлянды, к своему столу. После успокоения, Гриша заметил, что около Эли там, где лежала «шоколадная книжка», уже стояла стопка разных плиток шоколада. Посидев еще немного времени за столом, по предложению Эли, они ушли. На улице несколько машин - такси стояли в ожидании пассажиров. В одну из них они сели и уехали. Они рядом на широком, заднем сиденье машины. В салоне машины темно. Гриша приблизился к Эле и обнял ее за плечи. Она не сопротивлялась, а мягко поддалась объятию. Мгновение, и он ее поцеловал в губы. Она приняла его поцелуй. Так обняв ее, не снимая руки с ее правого плеча, они подъехали к общежитию. Они прибыли домой, в ее комнату общежития. А там что? Там все бодрствовали, ждали ихнего возвращения. Бурная, радостная встреча. Девочки обнимают Элю, что – то говорят и уводят ее в другую комнату, переодеться. Гриша сел на стул около стола. На не тронутую с места «балетку» с деньгами, он положил свою фуражку, чтобы она никому не мешала. Он был спокоен, так как в то время, в Киеве остановить машину –такси не было проблемой. Сейчас Эля вернется, они поговорят немного, как-то попрощаются, и он уедет на вокзал. Но случилось все не так. Девушки предложили Грише остаться и переночевать в изоляторе – комнате, которая должна быть в каждом общежитии. Он согласился. Они вместе все перешли в предложенную комнату. Пустая, плохо освещенная комнатуха и единственная, не застеленная койка в левом углу. При нем принесли легкое покрывало и подушечку. Все попрощались и ушли. Ну! Что-ж? Не плохо! Уложив аккуратно свою одежду на спинку металлической кровати, расстелив покрывало и погасив свет, Гриша осторожно улегся на панцирную сетку. Не успел он расслабиться и облегчено вздохнуть, как вдруг открывается дверь и в тусклом свете ночной комнаты, за приоткрытой дверью, появляется Элина голова. Гриша вскочил с кровати, но вспомнив, что он в трусах и майке, уселся на кровати в ожидании того, что будет. Войдя в комнату и тихо закрыв за собою дверь, Эля медленно приближаясь к нему, тихо говорила о том, что она пришла попрощаться с ним. Он обнял ее за бедра, прижал к себе, задыхаясь от восторга, уткнулся лицом в ее живот. Несколько секунд не управляемого, не повторимого блаженства! Медленно и осторожно уложил ее на кровать. Объятия, поцелуи, ласки и шепот. Успокоение, разговоры и опять ласки и поцелуи. И зарождение в нем настоящей, большой любви к ней. Своему жениху Эля не изменила с Гришей. Грубость и насилие он отвергал. До рассвета она ушла, нежно попрощавшись с ним. Сколько времени он спал не засекал. Его никто не беспокоил. Проснулся, взбодрился несколькими движениями. Привел себя в порядок, доступный в тех условиях и пошел искать дверь Элиной комнаты. А вот и они, Элины подруги его встречали. В комнате девушки предложили ему чай. Гриша принял их предложение, но настоятельно попросил их помочь ему, так как он не знает где магазины. И вручая им две сотни рублей, попросил купить немного вина, еды и хлеба, а на оставшуюся сдачу – конфеты. Пока он осматривал двор и окрестности в поисках общественного туалета, слегка прогулялся, и вернулся в комнату, стол и подоконник заполнились всем тем, что им предстояло есть и пить. Завтрак, не заметно перешел в обед. Девушки стали приглашать к столу каких-то, им близких женщин. Гриша предположил, что одна из них была комендантом общежития.

С первого момента пребывания в комнате, Тунин обратил внимание на латунную трубу – баритон, которая висела на стенке над кроватью одной из девушек. За обедом он и спросил, кто играет на трубе? Может быть Эля? Нет, не Эля. А Тоня, самая высокая из них и боевая. Ну, конечно, и он сказал, что немного играет на пианино. «О! Пианино есть в нашем клубе, пошли поиграешь нам», -сказали девушки и повели его в клуб. Эля, во всех событиях завтрака и обеда, принимала очень пассивное участие. Мало ела, мало пила, почти не разговаривала. Когда девушки хохотали, она только улыбалась. В большом зале клуба Гриша узрел пианино в левом, дальнем углу от входной двери. Он смело прошел через весь зал по прямой к пианино, подставил стул, открыл крышку, задрал фуражку к затылку и спросил девушек, что им сыграть? Кто – то сказал: «Что хотите.» Он начал играть ту самую мелодию, под которую пел для Эли в ресторане. Проиграв пару тактов, глянув на Элю, он тихо запел, снизив силу ударов по клавишам. Потом он сыграл и спел румынскую песню «Intre luna pe feriestre» - (Входит луна сквозь окно). Пел на родном для песни языке. – румынском. Песня изумительно красивая, широко мелодическая с романтическими словами. Конечно, румынские слова девушки не понимали, но музыка, и то взволнованное чувство, с которым он пел и играл, должны были дойти до их сердец. Бесперывное выступление длилось не менее часа. Когда он остановился, чтобы отдохнуть и повернулся на стуле в сторону, где стояла Эля, Тунин оторопел? Зал на половину был заполнен людьми. Потом девушки рассказали, что это были люди из их училища, в том числе и преподаватели. Прощальное застолье было легким и не долгим. Всех девушек Гриша пригласил поехать с ним на вокзал. Они согласились. Они заполнили две машины- такси и уехали на вокзал. Пока он возился с билетами и чемоданами, девушки ждали на перроне. За это время он успел найти павильончик, где продают сувениры и купил вуалевый, разноцветный с явной голубизной шарфик. После всей суеты с посадкой в вагон, Гриша вышел на перрон к девушкам, провожающим его. Соскочив с лестницы вагона, он достал из бокового кармана шарфик и надел его на шею Эле, желая ее приблизить и поцеловать. Но! Она прижала шарфик к груди, повернулась и убежала не оглядываясь. На прощание Тунин, приложив руку к козырьку, сказал: «Девочки дорогие, вашу подружку я не обидел. Вам всего хорошего, успехов и удач. Спасибо, что проводили. До свидания!»

PS 1.Сдержанное и умное письмо, которое Тунин получил в ответ на свое первое письмо, было написано, как это выяснилось при встрече, тоже коллегиально.

2.Шоколадные плитки, преподнесенные Элине и Грише, в знак восхищения ими, скопившиеся в приличную стопку на столе, он помог Элине унести с собой при уходе из ресторана.

Топалов Уля 16-08-18 г.

